X11 73

XVI 30

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

1925

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

содержание

СТАТЬИ И СБЗОРЫ.	Cmp.
1. М. Покровский. К вопросу о значении революции 1905 года	1
2. А. Аросез. Как мы входили в революционную работу (из вос-поминаний)	13
3. И. Звавич. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение	31
4. А. Дивильковский. Во французской деревне в годы войны	31
(окончание)	53
5—6. В ДИСКУССИОННОМ ПОРЯДКЕ.	
5. Г. Лелевич. Снова о наших литературных разногласиях	69
6. Вяч. Полонский. Критика ради критики (Ответ т. Лелевичу)	88
7. М. Бабенчиков. Русские графики. Д. Митрохин	102
8—12. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.	
8. А. Лежнев. Литературные заметки	119
9. Ник. Замошкин. Творчество Михаила Пришвина (К вопросу о генезисе попутиичества)	124
10. И. Луппол. Праздник теоретической мысли. (По новоду вто- рого тома «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса»)	131
11. Н. Пиксанов. Дневники В. Г. Короленко	141
12 E. Браудо. Музыка в СССР	
13. С. Пионтковский. Новейшая литература о 1905 годе (обзор)	150
ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.	
В. Адоратского, В. Невского, А. Аросева, И. Луппола, А. Дивилькове Н. Семашко, В. Менжинской, М. Брагинского, В. Гурко-Кряжина, А. Ха А. Бессера, Ю. Спасского, Е. Арборе-Ралли, М. Павловича, А. Неусы Н. Щербакова, В. Сергеева, Г. Гордона, Н. Пиксанова, М. Клевенского, А. стакова, Р. Ковнатор, Дм. Фурманова, В. Авдиева, П. Преображенс Б. Жукова, М. Рейснера, С. Васильева, И. Ильинского, А. Пионткове Р. Шор, Б. Пуредкого, В. Виленского (Сибирякова), А. Бонч-Осмолове А. Баркова, Л. Некора, Ю. Франкфурга, С. Покровского, Я. Шпильр А. Костицына, М. Гремяцкого, Н. Кашина, Г. Шенгели, Г. Леле В. Красильникова, А. Смирнова-Кутаческого, М. Рабиновича, Б. Гросс Г. Березко, А. Лежнева, В. Волькенштейна, А. Луначарского, Гершен Л. Розенталя, К. Локса, Я. Зунделовича, А. Гринберг, С. Бугославс В. Сахновского, Г. Жидкова, А. Некрасова, В. Адарюкова, Федорова Выдова.	вина, хина, Ше- кого, кого, ейна, вича, мана, зона, кого,
Письма в редакцию.	
Указатель статей и обзоров, помещенных в журнале за 1925	год.
Указатель отзывов на книги, помещенных в журнале за 1925	год.

25 иллюстраций в тексте.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ

1/1

РЕВОЛЮЦИЯ

Ж. У Р Н А Л ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

при БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А.В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н.Л. МЕЩЕРЯКОВА. М.Н. ПОКРОВСКОГО, В.П. ПОЛОНСКОГО, И.И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ВОСЬМАЯ ДЕКАБРЬ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА 1925

Редакция номера закончена 10 ноября

содержание

статьи и обзоры.	Cmp
1. М. Покровский. К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ	
1905 года	1
2. А. Арэсев. КАК МЫ ВХОДИЛИ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ РАБОТУ	49
(из воспоминаний)	13
СТВЕННОЕ МНЕНИЕ	31
4. А. Дивильковский. ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ	
(окончание)	53
5-6. В ДИСКУССИОННОМ ПОРЯДКЕ.	
5. Г. Лелевич. СНОВА О НАШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАЗНО-	
ГЛАСИЯХ	69
6. Вяч. Полонский. КРИТИКА РАДИ КРИТИКИ (Ответ т. Лелевичу)	88
7. М. Бабенчиков. РУССКИЕ ГРАФИКИ. Д. МИТРОХИН	102
8-12. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.	
8. А. Лежнев. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ	119
просу о генезисе попутничества)	124
10. И. Луппол. ПРАЗДНИК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. (По поводу	124
второго тома «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса)	131
11. Н. Пивсанов. ДНЕВНИКИ В. Г. КОРОЛЕНКО	141
12. Е. Браудо. МУЗЫКА В СССР	146
13. С. Пионтковский. НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА О 1905 ГОДЕ	
(обзор)	150
отзывы о книгах.	
І. Литература о Ленине и ленинизме. В. Адоратского, В. Невского,	
А. Аросева, И. Луппола, А. Дивильковского, Н. Семашко,	
В. Менжинской	162
П. Литература о Германии. М. Брагинского	170
III. Империализм и международная политика. М. Брагинского, В. Гурко- Кряжина	172
IV. Экономические науки и народное хозяйство. А. Хавина, А. Бессера,	112
io. Chacckoro	175
V. Женское движение. Е. Арборе-Ралли	179
VI. Национальный вопрос. М. Павловича	181

VII.	История:	Cmp.
	а) Всеобщая история. А. Неусыхина, Н. Щербакова,	
	В. Сергеева	184
	б) Русская история. В. Невского, Г. Гордона	191
	в) История революционного движения в России. Н. Пик-	
	санова, М. Клевенского, А. Шестакова, Р. Ковнатор, Д. Фур-	101
VALLE	Mahoba	194
	История культуры. В. Авдиева, П. Преображенского, Б. Жукова.	202
	Философия и психология. М. Рейснера, С. Васильева	209
	Науки об обществе и государстве. И. Ильинского, А. Пионтковского	215
	Науки о языке. Р. Шор, В. Авдиева	219
XII.	Народы и страны. Б. Пурецкого, Вл. Виленского (Сибирякова),	
	А. Бонч-Осмоловского, А. Баркова, Л. Некора	223
XIII.	Науки о природе. Ю. Франкфурта, С. Покровского, Я. Шпиль-	
	рейна, В. Костицына, М. Гремяцкого	232
XIV.	Теория и история литературы. Н. Кашина, Г. Шенгели	240
XV.	Художественная литература:	
	а) Русская. Г. Лелевича, Дм. Фурманова, В. Красильникова,	
	А. Смирнова-Кутаческого, М. Рабиновича, Б. Гроссмана, Г. Бе-	010
	резко, А. Лежнева	243
	б) Иностранная. В. Волькенштейна, Н. Пиксанова, А. Луначарского, Гершензона, Л. Розенталя, К. Локса, Я. Зунделовича	250
VICT		256
	Детская литература. А. Гринберг	230
AVII.	кова, А. Некрасова, В. Адарюкова, Федорова-Давыдова	259
	must be the real property and the property of the party o	
	Письма в реданцию	270
	Уназатель статей и обзоров, помещенных в журнале за 1925 год.	272
	Указатель отзывов на книги, помещенных в журнале за 1925 год.	274
	25 иллюстраций в тексте.	

I. Bucespurys v Folking v. J.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

I. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ. А. Лежнев.— II. ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА ПРИШВИНА (К вопросу о генезисе попутничества). Н. Замошкин.—III. ПРАЗДНИК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. И. Луппол.—IV. МУЗЫКА В СССР. Е. Браудо.—V. ДНЕВНИК В. Г. КОРОЛЕНКО.

I. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ.

А. Лежнев.

Альманах «КРУГ». V.—Сборник «НЕДРА». Книга седьмая.—«ПРИБОЙ». Альманах первый.

каждом из этих сборников имеется В каждом из этих соорим. Одна или две вещи, из-за которых сборник собственно и стоило издавать, и очень много балласта. Такой вещью в «Недрах» является «Страна родная» Артема Веселого, в «Прибое»—«Комиссары» Ю. Либединского. В «Круге» дела немного лучше: там балласта меньше, а читательское внимание может задержаться уж не на одной, а на двух-трех вещах («Москва» Анд. Белого, «Заволочье» Б. Пильняка да еще, пожалуй, «Кинжал» Г. Чулкова). Даже и эти «центральные» произведения далеко не безукоризненны, что же сказать о той огромной массе балласта, которая загромождает альманахи и если и придает им весу (в буквальном, физическом смысле слова), то ни на одну крупицу не увеличивает их ценности.

Но и о балласте следует поговорить. Начнем с «Прибоя».

Здесь он свален огромными мешками. Прежде всего читатель натыкается на два монументальных куля: Алексея Демидова («Вихрь») и Алексея Окулова («Крестьянская война»), поднять которые оказывается ему не под силу. Нужно большое волевое напряжение и исключительный иммунитет против скуки для того, чтобы довести чтение этих бесфор-

менных, пухлых, тусклых вещей до конца, не заснув на середине. Нельзя выезжать на одной только теме (Февральская революция у Демидова, партизанщина у Окулова), как бы благодарна она ни была (кстати, у Окулова она порядочно захватана: кто только не писал о партизанщине!). Об особенностях выполнения здесь говорить не приходится: талантливые произведения талантливы каждое по-своему, посредственные — посредственны на один лад.

Отоснавшись на пухлых выпуклостях окуловско-демидовской прозы, читатель переходит к «Рассказам о любви» Пантелеймона Романова. Эти рассказы заставляют опасаться за писателя. Кой-кому они придутся, вероятно, очень по вкусу. В них ровно столько пошлости и трафарета, сколько нужно для так называемого «легкого» чтения, особенно той его разновидности, при которой читатель уверен, что, читая, он не просто щекочет свои нервы, но еще, совместно с писателем, решает какие-то проблемы, между тем, как на деле оба они ничего не решают, а только слюнявятся.

П. Романов зарекомендовал себя рядом хороших бытовых рассказов с сатирической окраской и велико-лепным диалогом. Сатира его держится

на грани между собственно сатирой и юмором, она однообразна и по темам и по приемам. Но убедительность изображения обывательщины, обломовщины, остроумие, простота языка и построения сделали за короткое время Романова одним из наиболее читаемых авторов. Вещи, вроде «Рассказов о любви», способны только дискредитировать Романова, свести его, как серьезного писателя, на-нет. В них — ни одного свежего слова, ни одного незатасканного положения. Это — смесь Арцыбашева с Куприным, к которой прибавили искаженного, обаналенного Мопассана. Еще первый рассказ, «Любовь», пожалуй, приемлем, если не по языку, так по замыслу и построению. Но остальные два из рук вон плохи. Становится неловко за автора, когда он заставляет своих персонажей выражаться такими книжнонапыщенными словами: «Это моя весна... моя прекрасная, чистая весна... И неужели невозможно сделать, чтобы вся жизнь была так прекрасна?» или: «Счастливая, счастливая... твоя весна уже наступила, а моя еще нет и никогда не наступит».

Под стать беллетристическому балласту стихи. Поэмы Панфилова и Орсшина скучны: первая — из-за авторской неумелости, вторая — из-за авторской умелости. У Панфилова («Шпана») — все недостатки вещи, построенной только на «чувстве», без достаточного мастерства. У Орешина («Деревенская ячейка») — обычные пороки произведения, написанного на заказ. Панфилов суетится, Орешин декламирует. Стихи Безыменского («Сердцун») не меняют картины: в них больше шуму, чем толку.

Балласт «Недр» своим весом немногим уступает прибоевскому. Повесть Никандрова «Любовь Ксении Дмитриевны» поражает своей безвкусицей, мещанством, надуманностью. Иногда просто становишься втупик: серьезно ли пишет автор или народирует сам себя. Мы никак не представляем себе, чтобы можно было всерьез писать такие вещи: «Хотелось только сидеть, смотреть на лес и молчать, отдыхать больной душой, погружаться всем своим существом в космическую материю, отдать себя во власть силам природы, единственно мудрым, раство-

с безнадежной любовью к подлецу брожу я теперь по Москве и брожу» (известная шарманочная песня была выразительнее: «Любила я, страдала я, а он, подлец, сгубил меня»). Нет, конечно же, это Никандров пародирует Никандрова! Сама по себе тема повести не так уж плоха. Из бывшей барыни, не знавшей труда, советская действительность выковывает женщину самостоятельную, умеющую работать, уважающую труд. Но это, собственно, не столько тема повести, сколько то, что могло бы быть темой повести. Вещь заканчивается так, что идея ее обращается в собственное отрицание. Достаточно мужу Ксении Дмитриевны, тому самому «подлецу», о котором так патетически говорилось приведенной выше цитате, написать ей несколько ласковых строк, как независимая женщина забывает все слова о самостоятельности и т. д. - и мчится к нему. Но даже и не этот финал (в своем роде вподне законный и оправданный) следует поставить в вину автору, а дух мещанства, пропитывающий всю повесть. Трагедия Ксении Дмитриевны остается комнатной трагедией. Даже тогда, когда она старается стать самостоятельной, образцом ей служит мещанская, сытая и ограниченная семья ее бывшей прислуги, Гаши. Муж Гаши — коммунист из «неопасных» («Вы даже не поверите, когда увидите его, что он коммунист: такой смирный. Другой раз курицу попросишь зарезать, и то откажется, и глаза затулит, чтобы не видеть, как режут другие... Даже «Политграмоту» за целый год не может до конца дочитать»...). Сама Гаша занята исключительно домашним накоплением, покупкой — совместно с мужем — мягкой мебели и т. д. А Ксении Дмитриевне все у них кажется необыкновенным, чудесным, достойным подражания. Так от одного мещанского идеала она переходит к другому. А автор эти комнатные коллизии окутывает романтической тенью большой любви, которая — чуть ли не как у Эренбурга — ломает все рациональные планы и волю людей.

риться в них без остатка». Или: «И вот...

Бибиковский рассказ «Даешь Минск — Баку?!» вызвал очень резкую отповедь т. Зорича. Рассказ плох, но Зорич

неправ. Неверно, будто таких матросов, как у Бибика, не было и быть не могло. Артемовские дружки — Ванька-Граммофон и Мишка-Крокодил («Реки огненные») — ничем существенным не отличаются от бибиковских Жоры и Стася, а Артема Веселого никто еще не обвинил в клевете. Единственная разница та, что артемовский рассказ написан хорошо, а бибиковский плохо, и это, конечно, очень существенная разница, но разница художественная, а не идеологическая. Ни Артем Веселый, ни Бибик не рассматривают своих героев как правило, а скорее, как исключения из правила, — не как типы революционных матросов, а как представителей той неустойчивой части моряков, которая разложилась в обстановке партизанщины, мешечничества и т. д. А плох рассказ Бибика потому, что он не имеет центра тяжести, потому что он случаен, как газетная корреспонденция, потому что он художественно неорганизован.

Те же черты недостаточной художественной организованности в рассказе Г. Яблочкова «Петр Буянов», где интересные моменты теряются из-за длиннот, повторений и других недостатков конструкции. И здесь нет центра тяжести, и вместо законченного, объединенного одной идеей произведения получается ряд слабо связанных между собой эпизодов.

Что касается стихов, то они слабы и в «Недрах» (в особенности поэма А. Кусикова с ее запоздалым имажинизмом). Единственное исключение, пожалуй, клычковское «Сидит он днем под рукомойником».

Всему этому балласту противостоят, как было уже указано выше, две вещи: «Страна родная» Артема Веселого («Недра») и «Комиссары» Ю. Либединского («Прибой»).

«Страна родная» — первая большая вещь Артема Веселого. В том виде, в каком она напечатана в «Недрах», она неполна: недостает нескольких глав. Это — произведение, несомненно, интересное и значительное, в котором крупно все: и достоинства, и недостатки.

К последним относится прежде всего неумение автора строить вещь. Конструкция, композиция— вот что всего

слабее у Артема. Роман его бесформен-Он составлен из кусочков, прилаженных друг к дргу без всякого видимого порядка, чередующихся почти так же прихотливо, как у Пильняка. Отрывки и даже главы можно менять местами, не причиняя ущерба роману. Сюжета, собственно, нет. Связь дается с хронологической последовательностью. Стремительно мелькающие сцены, при отсутствии единого развертывающегося сюжета, утомляют читателя. Получается впечатление, как-будто автор, прекрасный рассказчик, торопится поскорее и побольше рассказать то, что он видел, слышал, знает, чем он полон до краев, и рассказывает, перескакивая с предмета на предмет, увлекаясь, теряя нить. Но он рассказывает так темпераментно, остроумно, ярко, что часто не замечаешь этого перескакивания — или не хочешь его заметить.

В романе Артема Веселого, лишенном твердого сюжетного стержня, переливается стихия мужичьей революции. Может быть, потому и показался ненужным автору сюжет, что надо было ему изобразить не отдельных людей, а стихию, массу. И, действительно, «массовые», крестьянские, красноармейские сцены принадлежат к лучшим в романе. Характеристики хороши у него тогда, когда они внешни, элементарны, когда типы взяты «массовидные» (среднее арифметическое, норма), когда автор не пытается заглянуть глубоко внутрь, дать человека изнутри. Человек удается Артему не тогда, когда думает, а когда действует. Думающий человек, вообще, Артему не удается. Он у него карикатурен или нелеп. Удачен у Артема не просто действующий человек, но действующий с максимальной напряженностью. Что бы его герой ни делал: пьянствовал, грабил, ездил по волости, писал инструктировать доклад, ставил спектакль — он будет хорош тогда, если напьется до невменяемости, наинструктируется до того, что его жене некуда будет девать навезенные продукты, а доклад напишет на «пятьдесят листов с гаком».

В «Стране родной» Артем Веселый пробует стать на новый путь, обуздать свой темперамент, перейти к широкому

эпосу. Многое ему на этом пути удалось: в романе есть несколько очень удачных бытовых картин (например, спектакль в Клюквине). Но лучшим являются те главы, которые написаны в манере, наиболее приближающейся к его первой, избыточно-темпераментной. Наоборот, неинтересны и сухи главы психологические (например, дневник Гильды, не вошедший в «Недра»). Вообще, интеллигенты вышли у него плохо (Ефим, Гильда). Ряд сатирически-заостренных моментов бьет мимо цели (сцены между Ефимом и Гильдой): они не смешны, а нелепы.

Как и в прежних его вещах, в «Стране родной» Артем Веселый хороший стилист, владеющий богатым, грубоватым и ярким языком. Его часто обвиняют в манерности. Доля правды в этом есть, но в «Стране родной» манерность пошла на убыль.

Если от «Страны родной» перейти к «Комиссарам», то этот переход может совершиться лишь в силу контраста.

Яркому, звучному, темпераментному Артему Веселому, влюбленному в слово, в русскую речь, в русскую песню, в русские просторы («когда-нибудь, у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний, смертный час»), поэту вольницы, людей, не любящих мысли и дисциплины, противостоит одноцветный, лишенный красок Либединский, чуждый стихии слова, обращенный вовнутрь, многодумающий аналитик, в писательском облике которого так много типичноинтеллигентского. Артем Веселый, несомненно, талантливее и богаче. Но у Либединского нет и его больших недостатков. «Комиссары» (они, правда, неокончены; в «Прибое» напечатана только первая часть) построены много лучше «Страны родной»: это видно уже сейчас. Ясность конструкции делает «Комиссаров» более легкими для чтения, чем гораздо более яркую и художественноценную «Страну родную». Артем Веселый берет для своего романа чуть ли не всю Россию, но Россию захолустную, стихийно революционную. Поле наблюдений Либединского значительно уже, но оно гораздо реже попадало под объектив художника. Это — партия, быт и типы партийцев.

Либединский — стилист не слишком хороший, сероватый, тусклый. Это мешает многим видеть те достоинства, которые у него имеются. Персонажи «Комиссаров» — а их довольно много обрисованы все очень четко, автор выделил своеобразие каждого и постарался обрисовать при этом не только его «характер», но и склад мышления (а это делают — а главное, умеют делать-очень немногие писатели). Некоторые сцены задуманы очень остроумно (например, попойка в здании курсов и последовательное появление: Реховского, который замечает ее и проходит мимо, какбудто ничего не видя, потому что боится испортить отношения, если сделает замечание; Миндлова, который заходит в комнату, где происходит попойка, и действительно ничего не видит по своей рассеянности и «святости»; Арефьева, который расправляется с пьянствующей компанией со всей решительностью и крутостью). Но иногда у Либединского бывают в характеристиках и грубые промахи. Таким промахом мы считаем описание того, как происходит процесс мышления у Васильева. Васильев-пролетарий. «Его острый, жадный к новому ум рабочего столичного города не раз уже пускался в самостоятельный путь. Но сразу эке он натыкался на плотные, осязаемые свойства предметов, это повергало его тревожную натуру в состояние бессильной злости... И он радовался лекции, какмузыкант радуется впервые слышимой, но родственной его существу пьесой, в которой наперед чувствует повороты ритма».

Привычка рассматривать вещи, как обладающие неподвижными, неизменными свойствами ¹) присуща метафизи-

¹⁾ Определение «плотные» следует у Либединского понимать именно, как неподвижные, инертные, статические — об этом говорит весь строй подчеркнутой фразы, противопоставление «плотных» свойств предметов «тревожной» — т.-е. динамической — натуре Васильева; в противном случае она (фраза) лишена всякого смысла, так как наличие плотных — в буквальном смысле этого слова — свойств не может противоречить никакому направлению или складу ума, никакому мировоззрению.

ческому мышлению (самому распространенному типу мышления). Она противоречит мышлению диалектическому, рассматривающему вещи в движении, в развитии. Иначе говоря, в цитируемом Либединский хочет сказать, отрывке что Васильев, как пролетарий, был диалектиком еще до того, как он ознакомился с наукой, диалектиком по инстинкту, притом диалектиком до такой степени, что существование «плотных» свойств предметов являлось помехой его мышлению. Но это совершенный вздор. Положение пролетария в производстве может облегчить ему понимание того, что природа не неподвижна, а диалектически развивается, но ни в коем случае не в состоянии вложить ему в голову (само по себе, без ознакомления с наукой) готовую теорию диалектического материализма. Лучшим доказательством является то, что и сейчас еще миллионы рабочих религиозны, а религия никак не совместима с диалектическим материализмом.

Есть у Либединского недостатки и в обрисовке других действующих лиц. Так несомненна некоторая приторная трафаретность в фигуре Миндлова (вариация героя Лелевической баллады о завклубе). Но в большинстве случаев они очерчены правдиво, с глубокой и теплой искренностью.

В «Круге» материал подобран значительно ровнее, чем в «Недрах» и «Прибое». Центр тяжести здесь в повести Пильняка «Заволочье» и в продолжении романа Андрея Белого «Москва». О последнем мы уже писали на страницах «Печати и Революции», в одном из прошлых обзоров. К сказанному пока прибавить остается очень не много. По сравнению с первой главой, вторая, хотя читается легче и занятнее, но менее значительна. На первый план выступает «авантюрный» (вернее было бы назвать его криминально-приключенческим) элемент (Мандро и таинственный карлик). «Заволочье» Пильняка, отрывок из которого Свердрупа») был в «Красной Нови», написано на очень благодарную тему и имеет ряд сильных мест (зимовка на острове Кремнева,

переход к Шпицбергену и т. д.). Это безусловно одна из удачных вещей автора. Место действия, обстановка, тема (научная экспедиция в Ледовитом океане и ее гибель) позволили ему избежать обычных его идеологических провалов. Но нового слова этой повестью Пильняк не сказал. Как писатель, он не продвинулся здесь ни на шаг вперед: то же однообразие приемов, та же нарочитая растрепанность и бесформенность. Между тем, судя по первым отрывкам, зачитанным Пильняком в прошлом году, можно было думать, что он становится на какой-то новый путь.

«Кинжал» Г. Чулкова стилизован под пушкинскую прозу. Декабристы в нем взяты со стороны, как привходящий элемент, а не поставлены в главный фокус рассказа. Рылеев, единственный декабрист, выведенный в «Кинжале», трактован поверхностно. Все же, в целом, рассказ производит довольно сильное впечатление — надо думать потому, что в нем передана атмосфера эпохи и потому, что он построен логично и стройно.

Отрывок С. Клычкова «Два брата» не представляет собой ничего интересного: гипертрофированный стиль рюсс, затейливость, дубоватая фантастика. Все это было бы еще приемлемо в небольших дозах, но если Клычков собирается все свое «Пятикнижье» писать в таком роде — мы его не поздравляем: устарело!

Несколько глав из пастернаковского романа в стихах «Спекторский» не дают еще о нем достаточного представления. Пока создается такое впечатление: ряд деталей, ощущений, сравнений, описаний, иногда очень оригинальных, метких, полных какой-то первоначальной свежести (как пример:

Но вот, сорвав отдушин трескотню Порыв разгула раскрывает двери Земле, воде и ветру, и огню. Как лешие земля, вода и воля Сквозь сутолоку вешалок и шуб За голою русалкой алкоголя Врываются, ища губами губ.),

но необъединенных в одно целое, рассыпающихся как бусы, когда порвана нитка. К тому же читается поэма с большим трудом, местами ее приходится разгадывать как ребус.